

М.И. Василенко

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ АРАБСКОГО БЕСТИАРИЯ — ВЕРБЛЮД¹

Сложение в Аравии хозяйственно-культурного типа (ХКТ) кочевников-скотоводов определило ход истории Ближнего Востока и его облик. Для развития региона одомашнивание верблюда (середина II тыс. до н.э.) было не менее важным открытием, чем в свое время изобретение лука и стрел. Оно положило начало качественно новым миграционным, военно-политическим и торговым процессам. Ш.Д. Гойтейн без всякого преувеличения утверждал, что «одомашнивание верблюда создало арабский народ» [Гойтейн 2001: 36].

В бедуинском обществе верблюд — основная материальная ценность. Животные служат транспортом для людей и грузов, приводят в движение колодезные механизмы. Молоко и мясо идут в пищу, шерсть — для изготовления одежды и мешков, шкура — для выделки обуви и ремней, навоз — для топлива. Ежегодная продажа верблюжьего молодняка дает бедуинам возможность покупать зерно, финики и городские изделия [Першиц 1952: 104]. Даже в наши дни верблюды сохраняют функцию денежного эквивалента. В доисламские же времена верблюд использовался и для отправления культов. Так, для успокоения души неотомщенного воина следовало заколоть на его могиле верблюда. Считалось, что после этого она перестанет, оборачиваясь совой, еженощно выть на могильном камне, требуя мести [Шидфар 1974: 10].

Неудивительно, что в устной традиции аравийских кочевников верблюду принадлежит особенное, почетное место. Бедуинская поэзия позволяет представить это животное в этнографическом азиатском бестиарии, пользуясь стихами как источником.

Руководство по разведению выносливых верблюдов. По образцам бедуинской поэзии можно составить целое руководство по разведению верблюдов — что нужно сделать, чтобы добиться от животных высокой скорости и выносливости.

Одной из особенностей верблюдиц, упоминаемых в творчестве арабских кочевников, является их бесплодие. Бедуины стерилизуют верблюдиц,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках работы над проектом «Племенная поэзия Аравии XX — начала XXI в. (Полевые материалы: поэтика и социально-культурные функции)», № 07-04-00383а.

которых в результате отбора определяют в верховые. «Бесплодная» — наиболее часто употребляемый в отношении верблюдицы эпитет в бедуинской поэзии.

В поэме из коллекции Х. Пальва иорданский стихотворец, описывая животных, с которыми движется вестник, указывает, что верблюдиц, определенных в верховые, в жару держат отдельно от самцов. Также он дает понять, когда именно бедуины стерилизуют верблюдиц:

*О управляющий верблюдицами, не стонавшими, жеребясь,
[Верблюдицами], от которых самцов держали в жару отдельно,
Верблюдицами, которых сделали бесплодными, когда появился клык,
Им препятствовали, чтобы они не жеребились, делая их бесплодными к
сезону [жары] [Palva 1992: 50].*

Как видно из описания, бедуины стараются стерилизовать верблюдиц перед наступлением жаркого периода (периода случки). Возраст, когда верблюдицу пора стерилизовать, определяется по тому, начали ли у нее расти клыки.

Бедуины очень хорошо определяют период жизни верблюда по зубам, а потому в поэзии имеют обыкновение обозначать возраст животного таким же образом. К примеру, достигших наибольшей силы верблюдиц-шестилеток поэт из Неджда по прозвищу Диндāн (конец XX в.) в одной из касыд обозначил так: «Большебрюхие животные с только что пробившимися глазными зубами» [Kurpershoek 1994: 130]. В другой касыде, описывая традиционную для его творчества шестерку верблюдиц, поэт, в частности, говорит: «Им предоставили три года молодости [не работать], // пока их бока не округлились на весенних пастбищах» [Ibid: 119]. Упитанность, сила и выносливость, которых добивались бедуины, достигалась не только стерилизацией верблюдиц. Такие верблюдицы до трехлетнего возраста освобождались от тягловой работы. Их ни разу не седлали до трех лет даже для наездника, не говоря уже о грузах. Таким способом бедуины готовят лучших верховых верблюдиц, и это далеко не единственный секрет.

Обычно верблюжонок вскармливается матерью до года, но, для того чтобы вырос особенно сильный верблюд, бедуины продлевают материнское кормление до трех лет. Если детеныш должен вырасти верблюдом, идеальным для наездника, то в качестве выючного животного его уже не используют. «О наездник на верблюде, не подчиненном выючному седлу», — обращается Диндāн к посланнику. Упомянув особенности верблюда, он говорит: «Отсрочив отнятие от груди, владелец позволил ему кормиться, // Добавляя еще один год к году его праздности» [Ibid: 135]. Соплеменнику-бедуину указанные подробности скажут об описываемом верблюде очень много.

Кормление верблюжат бедуины умеют регулировать в своих интересах. Если нужно его прекратить, вымя верблюдицы подвязывают особым образом. Аш-Шанфара (VI в.) в знаменитой «Песни пустыни» хвалит себя как очень умелого бедуина и противопоставляет себя тем, кому даже не нужно подвязывать вымя верблюдиц, — все равно нет молока.

*Не тот я дурак, чьи верблюжата голодные,
Хоть стадо пасется и ночами, и в сильный зной,
И вымя у матерей еще не подвязано —
Да нет молока у них, коль с ними пастух дурной!* [Аравийская старина 1983: 76].

В одной из поэм Диндāн восхищается тем, как причудливо украшены завитками черной шерсти бедра верблюдицы, которая волочит ноги, будто они одеты в грубые кожаные сапоги. И завитки, и походка объясняются тем, что бедра животного стянуты проходящими через них ремнями, на которых держится укрепленная снизу сетка, притягивающая вымя к животу и не дающая верблюжатам кормиться или верблюдице кормить [Kurpershoek 1994: 147]. Само собой, если нужно вырастить выносливого верхового верблюда, вымя матери не подвязывают, пока верблюжонок не достигает трехлетнего возраста. Пример, подтверждающий ту же этнографическую информацию, можно обнаружить в поэзии бедуинов Синайского полуострова: «О едущий на верблюде, быстром, как испуганный страус, // верблюде, взлеянном без ожогов на ногах. // Сосцы его матери не подвязывались уже три года, // а пастух не стягивал его ремнями груза» [Bailey 1975: 120].

Подушечки ног верблюда. Бедуины тщательно следят за состоянием подушечек на ногах верблюдов. Неоднократно упоминая достоинства животных, Диндāн сообщает, что подушечки на их ногах ни разу не были повреждены острыми камнями: «Свежий черный верблюд с крепкими костями, // а круглые диски его подушечек никогда не ранились острыми камнями» [Kurpershoek 1994: 114]. Речь идет о крайне важном показателе качества животного. Каждое повреждение подушечек сильно понижает верблюда в цене. Совершая длительные перегоны через края, где без порезов верблюды не обходятся, бедуины в буквальном смысле латают раненым подметки, чтобы довести их до места назначения. «Залатанный» верблюд уже не так ценен, как идеальный, чьи подушечки никогда не приходилось зашивать: «Их быстрые ноги крепко посажены под тяжелыми телами, // и их неиспорченные подушечки никогда не были ранены или заплатаны» [Ibid: 120].

Породистость верблюдов. Уже в древние времена арабы относились с большим вниманием к родословной своих верховых животных. При халифе Османе одним из желательных условий, выдвинутых перед иноверцами в мусульманском обществе, было «не ездить на кровных лошадях и верб-

людях» [Родионов 2003: 47]. Бедуинские поэты новейшего времени, давая понять адресату касыды, что стихи прибыли к нему на очень хорошем верблюде, непременно отмечают среди качеств животного породистость. В коллекции поэм Диндана, собранной М. Курперсхоком, упоминания родословной верблюдиц, отправляемых адресату, встречаются постоянно. «Все они родились в один год, произошли от одного самца, // потомка породистых животных с безупречной родословной», — говорит поэт в одной из касыд [Kurpershoek 1994: 123]. «Они благородной северной породы и рады, когда их подгоняют песней», — рассказывает он в другой поэме [Ibid: 118]. Особенно породистыми бедуины Неджда считают верблюдов из Омана. «О мой посланник, едущий на верблюдице из Омана, // тощем закаленном верховом животном, подгоняемом пением наездника» [Ibid: 111].

В цитирующемся ниже отрывке из другой касыды поэт, отправляя по традиции верблюдиц-одногодок, дает понять, что их оманская порода абсолютно чиста — без каких либо примесей — и что верблюдицы оманской породы быстры и красивы:

Они — чистой породы, [происходят] от прославленного предка, известного своей скоростью, // все 80 их предков происходят из Омана.

Они рождены в один год, а их плечи широки, как зимние накидки, // их стройные ноги движутся быстро, как колеса водяной мельницы.

.....
Породистые из Омана, их «ворота» (ноги) одновременно быстрые и гладкие, // они [быстры], как дикие коровы, по которым стреляют из винтовок [Ibid: 131].

Если в понимании бедуинов Неджда лучшие породистые животные происходят из Омана, то бедуины Иордании, хвастаясь породистостью верблюдицы, могут сказать, что она из Неджда. Дело либо в том, что представления о породистости в разных частях бедуинского мира относительно (обыкновенный для Неджда верблюд в Иордании — ценность), либо в том, что лучшие верблюды из Омана попадают в Иорданию через Неджд. В любом случае, и в Неджде, и в Иордании породистых верблюдиц ценят за способность выносить очень сильную жару и не сбиваться с пути. Ниже — фрагмент касыды из Иордании:

О едущий на чистокровной бесплодной верблюдице, // ты — дикий ястреб, равных которому нет среди наездников.

Едущий на старой верблюдице из Неджда, дочери породистого верблюда, // которой ни по чем полуденная остановка на жаре,

Которую ты направил дорогой паломников, где она находит места для привалов, // по военной дороге, где ею не нужно управлять [Palva 1992: 32–33].

Бедуины Синая в отличие от кочевников Неджда не совершают долгих переходов на верблюдах, а потому их описания животных, как правило, коротки. Тем не менее и они не забывают о породистости:

*О едущие верхом на многочисленных верблюдах, // сильных и породистых,
Похожих на страусов характером и чертами, // преодолевающих спуски и подъемы без напряжения [Bailey 1973: 7].*

В творчестве синайских бедуинов можно встретить довольно оригинальные указания на породистость, например: «Молоко его матери не наполнило бы и маленького кувшинчика» (*ḥalīb ʿummih mā ydibbi-l-hanāb*). Истинный бедуин, живущий кочевой жизнью, знает, что породистая верблюдица не дает много молока [Bailey 1993: 23].

Если какому-нибудь племени удастся вывести породу, ценность которой признают остальные, ее будут называть в честь создателей и племя станет знаменитым. Бедуины шарārāt (*šarārāt* — **северо-запад Аравийского полуострова**) прославились послушными быстрыми верблюдами характерного рыжеватого цвета. По всей Аравии и за ее пределами стала знаменитой порода шарāри (*šarāri*). **Не случайно синайский бедуин**, отправляя товарищу очень важное стихотворение, выбирает для миссии верблюда именно этой породы: «О едущий на верблюде с сильным хребтом — // рыжеватом шарāри, смышленным, с высокой спиной» [Bailey 1993: 92].

Непородистый верблюд — унижение для хозяина. Недаром один из синайских бедуинов начал поэму-осмеяние так: «Не гордись непородистым верблюдом, // он не будет хорош, даже если прибавишь ему корма» [Bailey 1975: 128]. Далее в адрес осмеиваемого человека сыпались упреки в зазнайстве и негостеприимности.

Создание культурного кода с помощью характеристик верблюда. Стоит объяснить, каким образом изучение стихов о верблюде позволяет понять связь между сферой первичного производства и соционормативной сферой. Следуя традиции, уходящей корнями в доисламскую эпоху, бедуины имеют обыкновение описывать верховое животное в части поэмы, посвященной пути (рахил). В реальности и в поэтическом пространстве характеристики верблюда могут использоваться как культурный код — для того чтобы выразить почтение или выказать неуважение. Животное демонстрирует социальный статус хозяина и статус адресата, к которому оно может быть направлено. Таким образом, верблюд одновременно оказывается элементом и материальной, и социальной технологии. Описание упомянутых выше характеристик животного (сила, выносливость, ценность и породистость) включается в структуру поэмы для того, чтобы адресат понял, на каком хорошем верблюде прибыли к нему стихи и осознал, до какой степени его уважают. Если же стихотворец желает выразить свое презрение к адресатам, касыда отправляется к ним на

малоценном верблюде, совершенно непригодном для верховой езды. Вот на каком животном обычно отправляют вызов или угрозу: «Он с трудом несет одеяло и два мешка, // А его черная кожа разодрана и потерта, // он измотан перевозкой неподъемных грузов...» [Bailey 1975: 119].

Среди касыд Диндана несколько раз встречается упоминание шести верблюдиц, направляемых с посланником. Шесть верблюдиц одного цвета, типа и возраста — признак особенно важной миссии. Отправляют, как правило, верблюдиц-шестилеток. Это объясняется тем, что именно в шесть лет животные достигают наибольшей силы [Kurpershoek 1994: 117]. Число животных, возможно, связано с их возрастом. По-видимому, шесть наиболее породистых и сильных верблюдиц на самом деле было принято отправлять с посланником в знак особенного уважения к адресату. Стихи сопровождали этот ритуал и описывали его. Вероятно, так родился элемент вербального обряда. Со временем он оторвался от бытовой основы, поскольку действие в стихах — более доступный способ проявить уважение, чем действие реальное.

Бедуины могут выразить взаимное уважение, совершив обмен верблюдицами. Поэты, обменивающиеся касыдами, могут сделать то же самое в стихах. Обычай со временем стал источником метафор. Сочиняя ответ на касыду одного из друзей, Диндан заключил его так: «Твои выносливые верблюдицы пришли к нам и держали меня в волнении до утреннего света, // так что мы послали наших худых животных вместе с твоими как братский подарок» [Kurpershoek 1994: 132]. Таким образом, поэт дал понять, как взволновали его полученные стихи, на которые он ответил своей касыдой, отправив обратно зачин уже вместе с ответом.

Верблюжье молоко. Помимо всего прочего верблюды ценятся бедуинами за молоко, что также отражено в поэзии. Перечисляя десять вещей, которые необходимы ему в жизни, бедуин сказал: «Седьмую — скот с обильным кормом, // чтобы я подавал гостям мясные кушанья. // Восьмую — верблюдиц с обильным кормом, // чтобы я поил гостей молоком» [Bailey 1993: 116]. Точно так же как одних верблюдиц бедуины определяют в верховые, других они определяют в молочные, и естественно, что последние в качестве верховых использоваться не будут. Не случайно, характеризуя верблюдицу посланника в одной из касыд, Диндан сказал: «О едущий на верблюдице, никогда не использовавшейся как молочная» [Kurpershoek 1994: 169].

Изучая поэмы Диндана можно узнать, какие верблюдицы дают особенно сладкое молоко. Информативна даже любовная лирика, поскольку эпитеты, метафоры и сравнения, использующие образ верблюда, встречаются в стихах на любую тему. К примеру, описывая возлюбленную в одной из касыд, поэт сказал: «Жидкий мед не идет в сравнение со словами ее губ, // даже молоко откормленных верблюдиц не так сладко, как ее речь» [Kurpershoek 1994: 141]. По-видимому, даже среди одинаково откормленных верблюдиц бедуины выделяют породы животных, у которых молоко особенно

сладко. Не даром в касыде, содержавшей послание родственникам, Диндāн передал им: «Приветствия [вам] такие теплые и дружелюбные, что можно засветиться [от них], // и такие сладкие, как молоко черных молодых верблюдиц с детенышами» [Kurpershoek 1994: 183].

Бедуины не только пьют молоко, но также используют его для приготовления других блюд, например при замешивании теста. Если молока в хозяйстве мало, те же блюда приходится готовить на воде, что означает трудное время в жизни кочевника. Не случайно иорданский бедуин, чье племя лишилось верблюдов в результате неприятельского набега, жаловался в касыде: «После потери наших верблюдов я не пробовал верблюжьего молока, // мы готовим себе пищу на воде, мы не пробуем жира» [Palva 1992: 48].

Чесоточный верблюд. Древние бедуинские поэты, как и современные, активно использовали сравнения. При этом в понимании древних поэтов образы для сравнений имели приблизительно одинаковую эстетическую ценность, и выбор одного из нескольких определялся главным образом тем, насколько он ярк и очевиден. В итоге в самых возвышенных стихах можно встретить на удивление приземленные образы. Один из них — чесоточный верблюд. Древние кочевники, услышав сравнение с чесоточным верблюдом, сразу понимали, что сравниваемое лицо ужасно одиноко и оторвано от остальных. Этнограф же, изучая поэзию, узнает, что бедуины, обнаружив в стаде больное животное, в первую очередь отделяли его, чтобы оно не заразило остальных, а потом целиком обмазывали его особой смолой, чтобы чесотка прошла. Поэт-изгнанник Тарафа (Ṭarafa) определял свое положение так: «Я остался один, словно чесоточный верблюд, смазанный смолой» [Az-Zawzanī 1963: 150]. Другой пример — любовная поэма Имру'улькайса. Он использовал образ чесоточного верблюда совсем иначе, чем Тарафа: «Как он (муж возлюбленной) может убить меня? // Ведь любовь ко мне заполнила ее сердце целиком, как мажут целебной смолой чесоточную верблюдицу» [Imru'ulqays 1958: 142].

Контроль за верблюдом. Кольцо, вставленное в нос верблюда, для того чтобы животным было легче управлять, является хоть и маленькой, но довольно важной деталью скотоводческого быта, и его упоминания часты в описаниях кочевой действительности. Как правило, кольцо в носу животного медное. Диндāн, к примеру, в одной из касыд сказал о своих животных: «Морды выносливых верблюдов как у шакалов, // медь колец в их нозах блестит на солнце» [Kurpershoek 1994: 130]. В другом стихотворении поэт восхищался: «И как мило медные кольца недоузтков прикреплены к их носам, // когда они путешествуют без усталости, не медля» [Kurpershoek 1994: 122].

Поскольку кольцо связано с мастерством езды на верблюде, бедуины упоминают его, давая практические советы по управлению животным. Диндāн, отправляя в путь посланника, советует ему: «Когда ты надеваешь поводья, натягивай их потуже и затягивай узел // на медном кольце, закрепленном у него [верблюда] в носу» [Kurpershoek 1994: 115]. Поэт с севера Синайского полуострова не справился с верблюдом, и тот выбросил его

из седла. Бедуин сломал ногу и начал сочинять ей стихи, страдая от боли и злости. В стихах он угрожает ноге судом, обещая посадить ее в тюрьму или замучить прижиганиями в том случае, если произойдет ошибка и ее вдруг оправдают. Нога в ответ поэту (его же устами) объясняет, что она вовсе не при чем, так как виноват дьявол (Иблис), и советует бедуину, как лучше обращаться с верблюдом, чтобы случившееся не повторилось:

Все от шайтана, свел тебя с пути Иблис, // ты приказал мне прищипить голый горб верблюда.

Это все работа Иблиса, который тебя подгонял. // Ты не умеешь правильно ухаживать за своим верблюдом,

А если не хочешь бед от своего верблюда, // ослабь узду и укрепи кольцо в носу [Bailey 1975: 123].

Обращение к вестнику начинается с наставления, если, с точки зрения поэта, он юн и неопытен. Вот почему указания на то, как лучше управлять верблюдом, встречаются в касыдах часто. Ниже — еще один пример: «О едущий на быстрой верблюдице, // она почувствовала прут и понимает намеки. // О едущий, если захочешь удалиться на ее спине, // держи узду, не ослабляй поводья...» [Bailey 1973: 15].

Из бедуинской поэзии, в частности древней, можно узнать и другие сведения о том, как бедуины держат верблюдов в подчинении. Этнографические данные сохраняются в стихах благодаря тому, что поэты прибегали к точным сравнениям и использовали знакомые слушателю образы верблюдов, взятые из повседневной жизни. Стихи при этом могут быть о чем угодно. Два примера, приведенных ниже, взяты из боевых самовосхвалений.

В одном из фахров Антары (°Antara, VI в.) **есть такая строка:** «Мужа красавицы я повалил на землю, // зашипела его грудная мышца [от раны], как [шипит] проколота губа [верблюда]» [Az-Zawzanī 1963: 277]. Кочевники имеют обыкновение прокалывать верхнюю губу особенно буйным верблюдам-самцам, чтобы можно было удержать их на месте. В описании верблюда из поэмы Тарафы (Tarafa, VI в.) **есть намек на то, что когда кольцо рвет губу, прокалывают ноздри:** «А его череп большущий, и губа рассечена, // и широкие ноздри проколоты» [Az-Zawzanī 1963: 156].

Прочитав самовосхваление (фахр) Амра ибн Кулсума (°Amrū bin Kulṭūm, VI в.), можно узнать, как верблюдов, чтобы они не разбегались, привязывают друг к другу за шеи. Амр ибн Кулсум хвастался, что его сородичи таглибиты такие вольнолюбивые, что даже верблюды у них не держатся на привязи: «Когда мы привязываем нашу верблюдицу за шею веревкой к другой верблюдице, // [наша] разрывает узы и сворачивает шею той, что идет рядом» [Az-Zawzanī 1963: 252].

Хозяйственное пространство и распорядок работ. Распорядок бедуинского пастуха определяется не только сезонами, но и так называемыми «периодами жажды» верблюда. Эти периоды отделены друг от друга днями водопоя. Передвижение кочевника в пространстве определено не

только маршрутом племени, но и постоянными переходами от пастбищ к водопоям и обратно. В одной из касид ал-Мутанабби (*al-Mutanabbi*, X в.), хорошо знакомого с бедуинским бытом, есть полустиише, указывающее на особенность организации хозяйственного пространства и его связь со временем. Поэт хотел образно передать краткость временного промежутка и сказал, что это «как будто время между водопоем и приближением» («*ka'innahu-l-waqtu bayna-l-wirdi wa-l-qarabi*») [*Al-Mutanabbi* 1964: 436]. Полустиише требует объяснения. Стадо верблюдов распределяется между пастухами племени таким образом, что каждый из них отвечает за группу из 3–10 животных, называемую *зауд* (*ḡawd*). Бедуин уводит свой зауд в поисках пастбища, и на какое-то время для животных наступает «период жажды» («*muddatu-z-zim'i*»). По окончании этого периода кочевник приводит стадо к водопою, чтобы потом откочевать вновь. День, в течение которого он возвращается к водопою (*wird*) называется «*yawmu-l-qarab*» («день приближения»), а ночь — «*laylatu-l-qarab*» [*Az-ẓafīrī* 2002: 23]. В диване ал-Мутанабби термин «*qarab*» трактуется как «ночной путь к водопою».

Информативность традиционной арабской поэзии позволяет существенно расширить знания о связанных с верблюдом элементах этнической культуры. Таким образом, бедуины сами вписывают главу о самом важном для них животном в азиатский бестиарий.

Библиография

Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы / Пер. с араб., предисл. А.А. Долинина. М., 1983.

Гойтейн Ш.Д. Арабы и евреи. М., 2001.

Першиц А.И. Хозяйственный быт кочевников Саудовской Аравии // Советская этнография. 1952. № 1. С. 104–112.

Родионов М.А. Ислам Классический. СПб., 2003.

Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). М., 1974.

Al-Mutanabbi. Dīwān. Bayrūt, 1964.

Az-Ẓafīrī 'Aḥmad bin Muḥārib. Ḥidā'u-l-'ibil. 'Anwā'uhu wa-'aṭwāruhu // Majallatu-l-Kuwayt, 2002. № 222. P. 22–24.

Az-Zawzanī 'Abī 'Abdallah al-Ḥusayn bin 'Aḥmad. Šarḥu-l-mu'allaqāti-s-sab'ī. Dimašq, 1963.

Bailey Yitzhak. *Ha-šīr ha-bedwi ke-maqor histori// Rešimot be-nosē' ha-bedwim. Midrešet Sde-Boqer, 1973. № 4. P. 3–17.*

Bailey Yitzhak. *Ha-šīrā ha-bedwit be-Sinai u-va-Negev // Rešimot be-nosē' ha-bedwim. Midrešet Sde-Boqer. 1975. № 5. P. 115–136.*

Bailey Yitzhak. *Qesem ha-nāqōt. Ra'anana, 1993.*

Kurpershoek P. Marcel. *Oral Poetry and Narratives from Central Arabia. I The Poetry of Ad-Dindān (A Bedouin Bard in Southern Najd). Leiden; New-York; Köln, 1994.*

Palva Heikki. *Traditional Narratives and Poems from al-Balqā' (Jordan): Transcription, Translation, Linguistic and Metrical Analysis. Helsinki, 1992.*